

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

ЖАНРОВЫЙ СПЕКТР МНЕМОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
А.Н. ПЛЕЩЕЕВА

THE GENRE SPECTRUM OF A.N. PLESHCHEYEV'S MNEMONIC
POETRY

В статье рассматривается связанная с темой памяти мнемоническая поэзия в лирике А.Н. Плещеева. Дается жанровый анализ произведений мнемонической поэзии в аспекте структурно-содержательных (типологичных) связей с уже имеющимися и известными прецедентами в русской литературе. Выясняется, что жанровая дифференциация даже в рамках одного жанра, определяется особенностью лирического мироотношения поэта, имеющего пессимистскую направленность. Будучи согласованная с прошлым духовным опытом и находясь с ним в режиме постоянной коммуникации, поэзия Плещеева вынуждено обращается к актуализации тех ситуаций и событий, которые вызывают это сообщение, и как результат этого взаимодействия двух временных модусов между ними возникает диалог. Выясняется, что наиболее эффективной и часто используемой формой актуализации данного диалога и вместе с тем конституирования ретроспективного мирообраза, является воспоминание. Несмотря на данную концептуальную доминанту, используемую в виде представления мнемонической рефлексии и ограниченный набор жанров, репрезентирующих ее, памятное, как было сказано, все же достаточно разнообразится. Так, тема воспоминания в лирическом преображении становится жанрообуславливающим фактором и совместно с идиллическим хроном (жанроформирующий фактор) генерирует стихотворные «воспоминание», «о детстве героя». «О детстве героя», впрочем, обнаруживает частные свойства «воспоминания». Воспоминание с примененной к нему посмертной рефлексией, руководствующейся реминисценциями из творчества покойного адресата, благодаря использованию которых воссоздается его образ, являет собой стихотворение «Памяти...», обладающее поминальной модальностью. А вот воспоминание, направленное в будущее время и адресованное личной памяти близкого человека, образует мадригал «На память». Причем в строении его памятной архитектоники не последнюю роль играет стихотворный «памятник», становящийся убедительной и экспрессивной опорой художественного текста. На основе проведенного анализа жанрового спектра мнемонической поэзии Плещеева делается соответствующий вывод.

Ключевые слова: мнемоническая поэзия, жанр, А.Н. Плещеев, лирика, миробраз, временной модус, «воспоминание».

The article discusses mnemonic poetry related to the theme of memory in the lyrics of A.N. Pleshcheyev. The genre analysis of works of mnemonic poetry in the aspect of structural and meaningful (typological) connections with existing and well-known precedents in Russian literature is given. It turns out that genre differentiation, even within the framework of one genre, is determined by the peculiarity of the lyrical worldview of the poet, which has a passeist orientation. Being consistent with past spiritual experience and being in constant communication with it, Pleshcheyev's poetry is forced to turn to the actualization of those situations and events that cause this message, and as a result of this interaction of two time modes, a dialogue arises between them. It turns out that the most effective and frequently used form of actualization of this dialogue and at the same time the constitution of a retrospective worldview is memory. Despite this conceptual dominant, used as a representation of mnemonic reflection and a limited set of genres representing it, the memorable, as it was said, is still quite diverse. Thus, the theme of memory in a lyrical transformation becomes a genre-conditioning factor and, together with an idyllic chronot (genre-forming factor), generates poetic "memories", "about the childhood of the hero". "About the childhood of the hero", however, reveals the private properties of "memories". A memory with posthumous reflection applied to it, guided by reminiscences from the work of the deceased addressee, through the use of which his image is recreated, is a poem "In Memory ...", which has a memorial modality. But a memory directed to the future and addressed to the personal memory of a loved one forms a madrigal "For memory". Moreover, in the structure of his memorable architectonics, the poetic "monument" plays an important role, becoming a convincing and expressive support for the artistic text. Based on the analysis of the genre spectrum of Pleshcheyev's mnemonic poetry, an appropriate conclusion is drawn.

Key words: mnemonic poetry, genre, A.N. Pleshcheev, lyrics, world image, temporal mode, "memory".

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-61-2-22-28

Поэтическое творчество А.Н. Плещеева стоит в ряду самых высоких литературных достижений XIX века, находя себе достойное место среди таких корифеев русской словесности, как Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.В. Кольцов, Н.А. Некрасов, А.Н. Майков. Оно органично вобрало в себя достижения русской лирики первой половины XIX века, став ее продолжением и в определенной мере положив начало нового мироотношения, в центре которого стоит человек со своими внутренними духовными проблемами, рассматриваемыми в их взаимоотношении, прежде всего, с прошлым жизненным опытом. В лирике Плещеева просматриваются черты экзистенциального психологизма, согласно которому личность лирического субъекта осознает свое место в мире через самопознание уже прожитого периода жизни. Иначе говоря, духовная конституция поэтического «я», при всей его индивидуальности, всегда соотносится с внешними обстоятельствами, воздействующими на его бытие. Именно поэтому тема прошлого становится для поэта ведущей. В одном из его ранних произведений, мадригале «На память» (1844), мнемоническое обращение к возвышенной дружбе имеет опосредованный характер – через будущее. Именно оно становится гарантом и залогом сохранения духовных отношений между близкими людьми в

юности, а жизнь благодаря этому наполняется особым экзистенциальным значением и ценностной значимостью:

Когда назло моим желаньям
Нас воля рока разлучит,
Пусть мой стих воспоминанье
В вас о минувшем *пробудит*;
Напомнит вам о том, кто счастье... [4, 61].

В лирике Плещеева мнемоническую нагрузку получают жанры, которые по определению, казалось бы, не причастны к теме памяти. Так, в стихотворении «Тосты» (1871) без особого труда просматривается мотив стихотворного «памятника» с характерной для него перспективной репрезентацией времени: «И до гроба сохранивши / В сердце преданность добру, / Произнести могли с поэтом: / «Знаю: *весь я не умру*» [4, 210]. Как видно, использование этого мотива обусловлено заимствованием ставшим, по сути, поэтическим штампом – маркера стихотворного «памятника», узнаваемого всеми участниками литературного процесса.

В формат мемуарной лирики «Листок из дневника» (1856), которой присущ нарративный стиль развертывающихся друг за другом микрособытий жизни прошлого, вписывается содержание элегического воспоминания с его неизменно атрибутированным смещением чувств [1, 17–18], [3, 111]: «*Воспоминание* лелею я одно, / *И сладко так душе и горестно оно*» [4, 101]. Мотив «воспоминания» влечет за собой, по закону ассоциативной связи, устойчивую для мнемонической поэзии образную систему, сложившуюся вокруг одного из производных архетипа камня – дома, систему, пронизанную идиллической эмоцией уюта, но в то же время простого локуса человеческого счастья:

Я снова посетил давно знакомый дом;
Теперь семья другая поселилась в нем.
Вот уголок уютный, где она, бывало,
Вокруг себя друзей немногих собирала.
Отрадных много я *припомнил* вечеров... [4, 103].

Восстановленное в памяти при помощи перформатива тишины и покоя и связанного с ними «округлого» хронотопа домашнего очага идиллическое настроение [6, 20] настолько неустанно и интенсивно охватывает лирическое «я», что в условиях безнадежной любовной встречи перерастает в романский мотив с достаточно прочным для него мнемоническим субстратом:

Оставил вечер я... Но всё *мотив* знакомый
Преследовал меня на улице и дома...
Всё образ предо мной любимый возникал,
И до рассвета глаз в ту ночь я не смыкал [4, 103].

Романская метаморфоза в мемуарном стихотворении объясняется психологической установкой на резиньационную обреченность и навязчивость оставшегося наедине со своими мыслями лирического «я» (романс в этом случае является зеркальным воспроизведением «воспоминания» и в большей мере его генетического предка – элегии, за исключением, правда, ностальгического блаженства). Данная установка оголяет общий трагический контекст «внутримирового» существования человека, который отражает невозможность возврата к счастливым мгновениям прошлого, тем самым обозначает их

жанровую принадлежность к романсу, ставшим настолько популярным с середины XIX века, что становится маркером узнаваемости поэта по первой строке стихотворения К.К. Случевского «"Пара гнедых" или "Ночи безумные"...» [5, 304], посвященного памяти А.Н. Апухтина.

Таким образом, мотив «воспоминания» становится структурным элементом сюжетного нарратива мемуарного фрагмента, появление которого обусловлено сходной со стихотворным «воспоминанием» мнемонической ситуацией. Продолжением анализируемого произведения является «Воспоминание» (1875). Однако «эстетика тождества» (Ю.М. Лотман), ожидаемая со стороны реципиента, не выполняет своей функции на всем протяжении текста, и элегическое впечатление, возникающее после прочтения первых стихов («Посреди людского шума / И томящей суеты» [4, 227]), меняется на противоположное. В таком виде стихотворение представляет собой двухструктурную конструкцию, вторая часть которой – жанр «На смерть...» становится узнаваемой при описании погребального портрета умершей возлюбленной («Часто *вижу* пред собою / Вдруг *я мертвые черты...* / *Очи впалые закрыты,* / *Плотно сомкнуты уста*» [4, 227]). Эта часть, связанная общностью с доминирующим жанром мнемоническим мироотношением, вписывается композиционно-структурной вставкой в «воспоминание», переносит речевого субъекта в ситуацию похорон, заостряя его памятные впечатления. Вследствие этого субъект не в силах противостоять вызванному воспоминанием мучительным чувствам. По этой же причине эмпатия, окаймляющая анафорическим повтором высказывание, замыкает переживания «воспоминаниями»: «*Что* тяжеле мук для сердца, / *Что* ужасней пытки нет, / Как о днях бывшего счастья / *Вспоминать* в години бед!..» [4, 228].

Достаточно частотно использует в своем творчестве Плещеев и жанровую концепцию поминального стихотворения «Памяти...», к примеру, «Памяти Пушкина» (1880). Поминание в нем содержится в презумпции читательской рецепции, которое окончательно складывается после внимательного прочтения стихотворения. Во-первых, этому способствует наличие эпитафия из произведений поэта, задающего поминальный тон через *поименование*: «*Пока надеждою* горим, / *Пока сердца для чести живы,* / Мой друг, отчизне посвятим / *Души прекрасные порывы!*» [4, 245]. Эпитаф изначально воспроизводит духовно-нравственный (патриотический) императив поэта, выражающий негнбавую стоическую идею, известную с античных времен: «*Dum spiro, spero*» («*Пока дышу, надеюсь*»), интерпретируемую и своеобразно им же дублированную с помощью перекомпоновки слов, входящих в состав фразы, в несколько ином контексте. Интересно, что посредством таким образом подобранного эпитафия читатель может припомнить также латинских авторов, использующих данное крылатое выражение, – Цицерона и Сенеку. Во-вторых, отбор некоторых стихов для текста стихотворения неслучаен, поскольку они являют собой перифраз известной лирической топики: «...но в *памяти народной* / Ты не умрешь, возлюбленный поэт!»; «Вот почему неизгладимый след / Тобой оставлен в *памяти народной!*» [4, 245–246], а воспроизведенные в таком рекомбинированном виде намекают на знаменитые строки стихотворного «памятника» Пушкина: «Я *памятник* себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет *народная тропа...*».

Этой же, реминисцентной, идее подчинено и другое поминальное стихотворение – «Памяти Н.А. Некрасова» (1882). Два эпитафия из лирики покойного автора: «Как ни тепло чужое море, / Как ни красна чужая даль, / Не ей размыкать наше горе, / Рассеять русскую печаль!» (из стихотворения «Тишина», 1856–1857) и «Не небесам чужой отчизны – Я песни родине слагал» (из стихотворения «Я твой», 1850) [4, 245–246] эксплицируются во всем тексте стихотворения, востребуя многочисленные аллюзии на творчество поэта, главная концепция которого – безоговорочно и безраздельно служить музой народу и России. Таким образом, в стихотворных реминисценциях, чем по существу являются поминальные

произведения, типично озаглавленные «Памяти...», Плещеевым создаются мнемонические условия и предпосылки для восстановления связи с биографическим (портретные характеристики) и поэтологическим (мировоззрение) контекстом жизни объекта поминания. Вместе с тем в данных произведениях, можно сказать, складывается своего рода внутрижанровый диалог между лирическим субъектом и объектом посвящения, а его объединяющим основанием служит реминисценция, парафразирующая заимствованный из поэтического первоисточника смысл, который в новой форме раскрывается в текстопреемнике, органично вписывается в него, не нарушая первоначальной семантики. Кажется, Эта своего рода языковая игра основана на поминовении человека посредством сказанными им же словами.

Следующий стихотворный жанр «о детстве героя» представлен в динамике. Первое произведение с узнаваемым заголовком «Детство» (1972) вписывается в общую традиционную канву с ее привычной идеализацией ранней жизни: «Мне *вспомнились детства далекие годы* / И тот *городок*, где я рос, / Приходского *храма* угрюмые своды, / Вокруг него *зелень берез*» [4, 212]. Очевидна и явна преемственность традиции образной системы, будь то хронотоп детства, в котором отводится значительное место окружающему обществу сверстников лирическому «я», дериваты архетипического образа камня, репрезентируемые своеобразными топосами комплексного архетипического концепта Центра мира: «*храма*», «*городок*»; вегетативный ландшафт («*зелень берез*»), окружающий локус рождения, дескриптивный тип ведения стихотворной речи, присущий речевому образу миру детства и т.д.

Второе жанровое произведение – триптих «Былое» (1882) – сохраняет причинно-следственную связь с предыдущим, в особенности в использовании описательного стиля, восстанавливающего идиллический хронотоп, на что прямо указывается поэтом в первых же стихах: «*Картины далекого детства* / Порой предо мною встают...» [4, 253]. А размер используемого трехстопного амфибрахия вдобавок расширяет взаимосвязь темы памяти с мнемоническим контекстом произведений не только однородного жанра («о детстве героя»), но и многих «воспоминаний» в русской лирике [2, 183–186]. Реактуализация мирообраза детства передается «местами памяти», неизменно связанными с вегетативной имажинацией: «И вижу опять я знакомый, / Весь в *белых кувшинчиках пруд*»; «То был *уголок мой любимый* / В *запущенном старом саду*.¹ / Сюда с своей *детскою думой*, / Бывало, всегда я иду» [4, 253]. Они углубляют воспоминание, придают ему витальность, заставляя проникать все дальше внутрь центра рождения – дома: «И "*детскую*" нашу я вижу... / В углу с образами *киот*... / *Лампада* пред ними... сиянье / Вокруг она тихое льет» [4, 253]. Растительный мир, сопровождающий физический мир роста человека, одухотворяет и преобразует (семантика света – святости) внутреннее состояние лирического субъекта. Кажется, что все пропитано блаженством и тишиной (лирический субъект произносит: «Давно меня *спать* уложили» (!) [4, 254]), однако, по законам реализма, идиллическую картину все таки сменяет неожиданный и наполненный жизнью контраст, воплощающийся в противоположность весенней тишине зимним состоянием природы, навеянным ситуацией расставания – валетой: «А вот и *другая картина*: / *Морозная ночь и луна*... / Равнина, покрытая снегом; / *Немая вокруг тишина*...» [4, 254] и далее: «При мысли, что здесь уж не встречу / Поры я любимой своей...» [4, 254]. «О детстве героя», являясь производной стихотворного

¹ Образ утраченного на время рая, рисующийся заброшенным садом, возвращение к которому в «воспоминании» описывается лирическим субъектом, – характерный матричный атрибут жанра, функционирующий в нем с начала XIX – вплоть до конца XX века (вспомним «Воспоминание», 1995, И. Бродского).

«воспоминания», а значит и ригидной содержащей в своей архитектонике идиллический мотив, в контрастной структуре третьей части иллюстрирует потерю райского уютного уголка, продуцируемую антиномией прощания с родными местами. Таким образом, по существу отношения к художественной системе всего творчества поэта, «Былое» предлагает себя как в определенном роде жанровый сиквел, становясь продолжением одноименного, хронологически предшествующего стихотворения «Былое» (1858) и уже знакомого «Детства». В нем, согласно концепции жанрового сиквела, получают второе рождение на фоне не разделенных весеннего и зимнего пейзажей, а объединенных идеей идиллической красоты, образы:

*Помню лес. . . деревьев шепот,
И волны стемневшей ропот,
И мерцанье звезд.*

*Сад запущенный и мрачный,
Над водой пруда прозрачной
Деревенский дом [4, 113].*

В данном аспекте способ сохранения основных мнемонических компонентов между однородными жанрами можно обозначить как автореминисценцию. С другой же стороны, в «серийности» «Былого» наблюдается не менее очевидная аллюзивная связь, отсылающая к «Былым и думам» (1852–1868) А.И. Герцена с его исповедальной манерой изложения. Наконец, оно, реактуализированное «Былое», как и вся мнемоническая поэзия Плещеева, отражает лежащие в глубинных пластах социокультурной жизни и современном мировоззрении онтологические начала, связанные с пореформенной (1861) общественной жизнью, вызвавшей тектонические сдвиги в мироощущении многих современников Плещеева. Оказываясь по обе стороны рубежа «до» и «после» культурно-политических преобразований и учитывая их, поэзия как художественная форма «миропереживания» (С.И. Ермоленко) стремится сохранить целостность и полноту мирового порядка и возможность приобщения к нему. Будучи причастной к созданию межвременного диалога, в нашем случае, между прошлым и настоящим и между настоящим и будущим, поэзия включает механизм воспоминания, который доминирует на протяжении всего творчества Плещеева.

Именно в этом тематическом регистре (диапазоне) противопоставленности «былое» – «грядущее», понимаемое как ожидаемое обновление, расположена поэтика мнемонических (и не только) произведений Плещеева. Можно сказать, дихотомические концепты старения – обновления становятся маркерами (индикаторами, показателями) его поэзии, ключевыми для пониманию всего творчества Плещеева в целом, а также других его современников. (Антагонизм прошлого и неясного грядущего выявляется, к примеру, в стихотворениях 1877 года «Старик» и «Я тихо шел по улице безлюдной»). Интересно отметить, что указанная дихотомия как одна из структур противопоставления «былое» – «грядущее» актуальна и для современной поэту прозе. Так, вторая уточняющая часть заголовка романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, написанного в 1862–1863 гг., звучит, как «из рассказов о новых людях». А далее в первой главе «Дурак» не без иронии автором подмечено противопоставление двух типов мировоззрений: «Но большинство, как всегда, когда рассуждает благоразумно, оказалось консервативно и защищало старое: "какое подурчался – пустил себе пулю в лоб, да и всё тут". Прогрессисты были побеждены» [7, 8].

Таким образом, исходя из проведенного исследования, можно заключить, что ведущим способом мироотношения в лирике Плещеева является воспоминание. Показательно, что автор использует дважды в названиях стихотворений, исполненных в жанре «о детстве героя», номинацию «Былое», а сам мотив воспоминания при этом, помимо собственно жанровых идентификаций стихотворного «воспоминания», встречается даже в мадригале с его нарочитой проспективной интенцией художественной рефлексии. Именно воспоминание, позиционируемое как восстановление в памяти ретроспективного мирообраза, помогает раскрыться лирическому «я», ощутить дисбаланс между полнотой бытия в прошлом, обычно соотносящимся с ностальгией, детством и пугающим неведомыми гранями будущим, позволяет ему обрести умиротворение и покой. Ассоциативная связь между двумя временными модусами художественной рефлексии осуществляется через уже знакомые архетипы дома, пруда, окружающей растительности, олицетворяющие вегетативный рост жизненной энергии, выступающие в роли образов, моделирующих райский хронотоп. Все это определяет жанровый спектр мнемонической поэзии Плещеева, в котором самыми распространенными являются стихотворное «воспоминание», «о детстве героя», «мемуарный фрагмент».

1. Вацуро В.Э. *Лирика пушкинской поры*. СПб., 1994.
2. Гаспаров М.Л. *Метр и смысл*. М., 2012.
3. Зырянов О.В. *Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект*. Екатеринбург, 2003.
4. Плещеев А.Н. *Полн. собр. стихотворений*. Л., 1964.
5. Случевский К.К. *Стихотворения и поэмы*. СПб., 2004.
6. Тюпа В.И. Генеалогия лирических жанров // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2012. № 4. С. 8–31.
7. Чернышевский Н.Г. *Что делать? Из рассказов о новых людях*. Л., 1975.